

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ (1989 - 1995 ГГ.)

Лариса Лушникова

К необходимости таких преобразований подошли и страны Восточной Европы, где интересы общественного развития также пришли в столкновение с неэффективной формой управления экономикой.

Кризис модели административного управления народным хозяйством разразился в середине 80-х годов во всех без исключения бывших социалистических странах. Но подходы к реформе экономики, которые были избраны в странах Восточной Европы и в России, оказались весьма различны, что и предопределило заметные различия и в результатах реформ.

Переход к рынку в постсоциалистических странах начался в условиях полного отсутствия исторических прецедентов трансформации административной системы в рыночную. Неудивительно, что эти страны столкнулись с огромными трудностями переходного этапа, наибольшую остроту которые приобрели в России, оказавшейся неготовой к такому переходу: сверхмонополизированная экономика; сложность формирования рыночной инфраструктуры ввиду необъятности ее просторов и пестроты ее условий; отсутствие частно-собственных и рыночных традиций. Между тем наличие таких традиций в странах Восточной Европы во многом облегчает проведение реформ.

Все бывшие социалистические страны приступили к переводу экономики на рельсы рыночного хозяйства, когда они стали индустриально развитыми государствами со сложной хозяйственной структурой и высоким уровнем общественного внутрихозяйственного и мирохозяйственного разделения труда, всем им предстоит фундаментально реформировать воспроизводственные пропорции, уже сложившиеся на базе нерыночных отношений, и выйти на новые макро- и микроэкономические пропорции, совместимые с рынком, в т.ч. мировым.

Значительные расхождения между надеждами и реально полученными результатами экономических реформ были связаны также с серьезной недооценкой трудностей переходного этапа, существенными недочетами в стратегии реформ и методами ее реализации.

Разрабатывая концепции реформ, руководители постсоциалистических стран были твердо убеждены в том, что с крахом старого режима будут быстро решены и порожденные им проблемы. Уповали на широкомасштабную поддержку Запада в виде щедрой официальной помощи развитию и широкого притока иностранных частных инвестиций, ошибочно полагая, что наличие в их странах таких факторов, как географическая близость, дешевая квалифицированная рабочая сила и неосвоенность товарных рынков, послужит достаточно сильным мотивом для притока ресурсов.¹

Расчет делался и на более широкий доступ отечественных товаров к западным рынкам. Непременным условием успеха рассматривалась поддержка общест-

вом демократических преобразований. На деле все оказалось намного сложнее, а социально-экономические издержки - слишком высокими.

Желание реформаторов как можно быстрее освободить экономику от пут прежнего режима побудило их вести широкомасштабную либерализацию цен, внутренней и внешней торговли. Результат был неожиданным: одномоментная либерализация и децентрализация экономики при отсутствии развитой рыночной инфраструктуры вызвала резкое ухудшение экономических показателей во всех постсоциалистических странах.

Резкое сокращение производства (от 20 до 50% ВВП), гиперинфляция, рост безработицы (от 10 до 18% рабочей силы) и обнищание основной массы населения.²

Негативные результаты породили у общества разочарование и усталость, что во многом объясняет поворот политических и социальных симпатий в ряде стран Восточной Европы в сторону левых сил.

Причины столь резкого ухудшения экономического положения и, отчасти, смены политических настроений в восточноевропейском регионе кроются в разрушении прежней хозяйственной системы, в разрыве устоявшихся торговых и экономических связей, в потере традиционных партнеров и рынков, в переходе на новую форму расчетов в СКВ и на торговлю по мировым ценам.

Первоначальные расчеты на поддержку Запада в проведении первого этапа переходного периода потерпели крах. Объем иностранных прямых инвестиций, которым отводилась ведущая роль в модернизации производства, в притоке новой технологии и современных методов управления, оказался весьма скромным: за период 1990-1995 гг. их валовый приток в регион составил 42 млрд. долл., причем основная доля пришлось на Венгрию. (Для сравнения: это меньше объема американских частных инвестиций в одной только Мексике). В последнее время приток иностранных прямых вложений сократился (в связи с замедлением темпов приватизации), но не был компенсирован ростом притока официальной помощи развитию, которая по своему объему также явно недостаточна. В результате, уже на начальном этапе реализации реформ восточноевропейские страны столкнулись с трудностями в финансировании планов экономической модернизации. Призрачными оказались и надежды реформаторов на расширение доступа восточноевропейских товаров на западные рынки.

Не оправдался и расчет на быстрый рост занятости за счет расширения сектора услуг. И хотя безработица несколько сократилась, в большинстве стран региона она по-прежнему очень велика: на начало 1994 г. 7,5 млн. чел.

Опыт реформ показал, что переход от гиперинфляции до уровня управляемой оказался делом куда более сложным, чем предполагалось. Тем не менее, в большинстве стран

Лушникова Лариса Ивановна — кандидат экономических наук, Институт Востоковедения Российской Академии Наук

региона (за исключением Болгарии и Румынии) удалось сдержать сопровождавший реформы всплеск инфляции, и в 1995 г. довести ее среднемесячный уровень до 0,8–2,4%.³

Расхождения между странами по результатам экономических реформ в большинстве случаев были обусловлены их различными стартовыми условиями и темпами экономических преобразований.

С самого начала руководители бывших социалистических стран столкнулись в трех группах вопросов: о темпах, методах и социально-экономических последствиях перехода к рынку.

Противостояли две стратегии - стратегия "шоковой терапии" и стратегия "постепенных шагов", выбор которых диктовался в основном общим состоянием экономики. Польша и Россия, где экономическое положение было удручающим, избрали первую стратегию. Венгрия и Чехия - вторую.

Ключевым моментом реформирования экономики была признана приватизация, рассматриваемая не как самоцель⁴, а как важнейший инструмент формирования предпосылок для структурной перестройки общественного воспроизводства и создания эффективного механизма экономического регулирования.

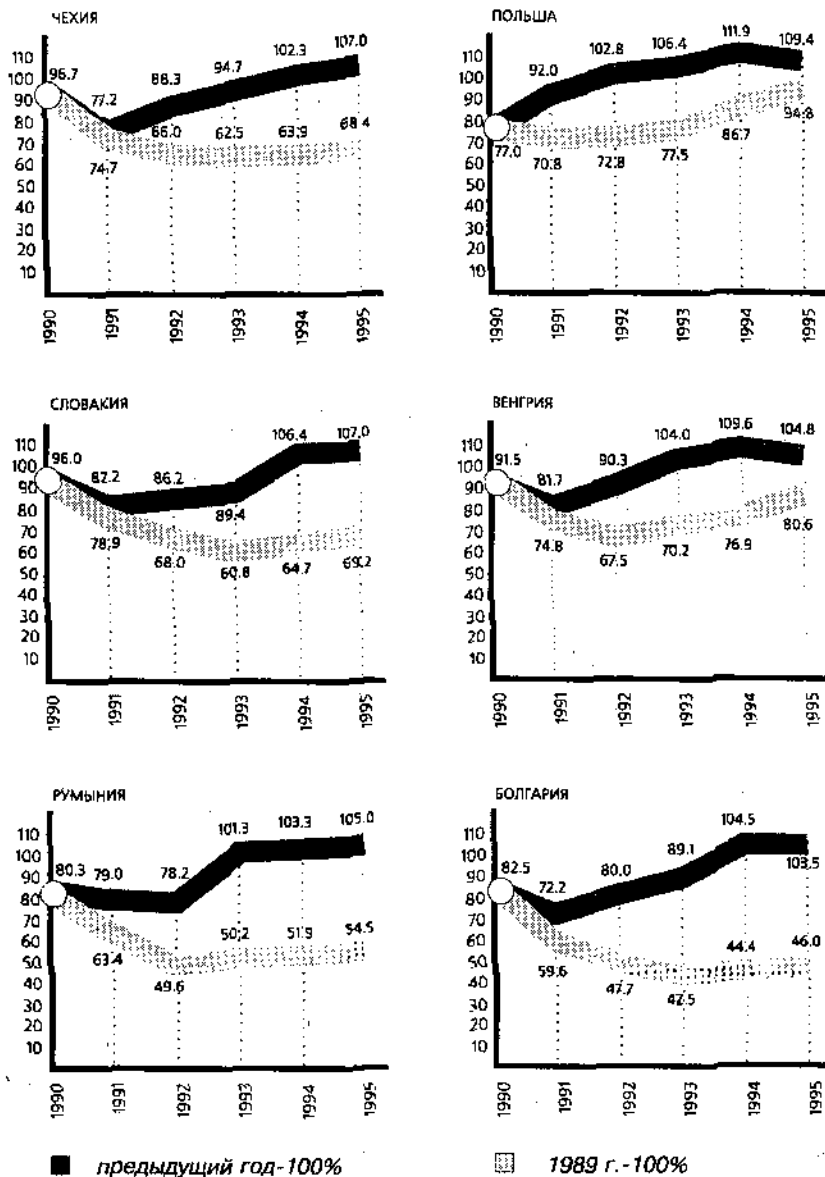
Параллельно решалась задача формирования рыночной инфраструктуры. Приходилось одновременно создавать и новую систему законов, в том числе законов о собственности, и организовывать рынки труда, капитала и денег, и разрабатывать и осуществлять новую бюджетную, кредитную, налоговую и валютную политику.

В целом, самая трудная стадия трансформационного кризиса - макроэкономическая стабилизация - была более или менее благополучно преодолена, но это еще не гарантирует устойчивого долгосрочного экономического роста, поскольку такие негативные факторы, как ограниченность и нестабильность спроса, высокий уровень инфляции и слабая инвестиционная активность сохраняются.

Обозначилась тенденция к росту капиталовложений практически во всех странах региона. Однако только Чехия и Польша, где капиталовложения в 1995 году превысили уровень 1989 года, имеют наилучшие шансы для перехода к динамичному экономическому развитию. В других странах объем инвестиций достиг дореформенного уровня, но их структура явно тяготеет к сфере торговли и услуг. За исключением Чехии и Польши в большинстве стран восточноевропейского региона динамика капиталовложений в промышленность недостаточна для обеспечения ее структурной перестройки и восстановления дореформенных объ-

емов производства. Как считает академик О.Т. Богомолов, рыночная адаптация промышленности идет весьма трудно и медленно, сопровождаясь утратой ряда производственных мощностей. О глубине трансформа-

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ционного кризиса в промышленности свидетельствуют данные таблицы.

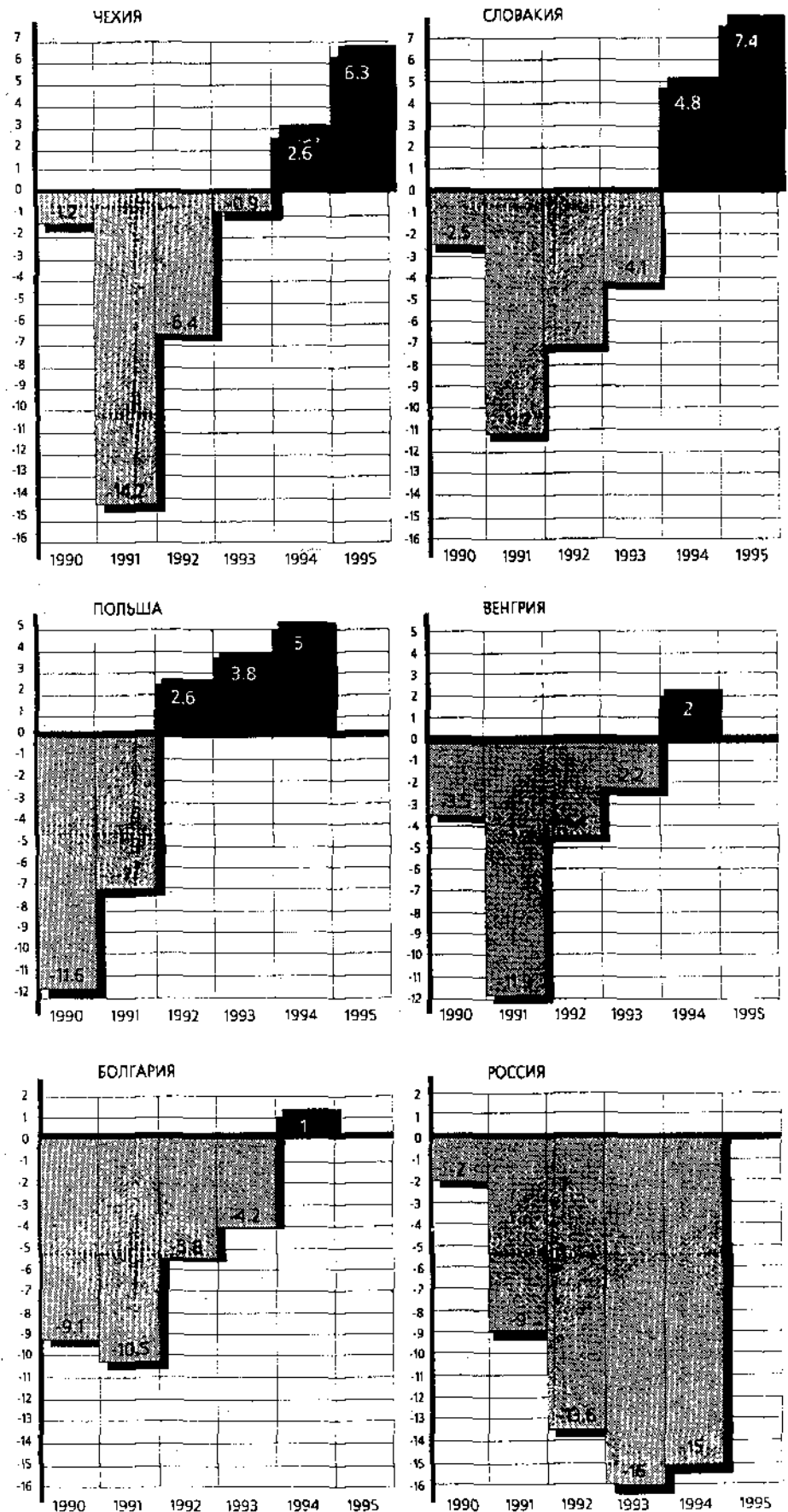
Особого внимания заслуживает опыт Чешской Республики, сумевшей добиться значительных результатов при переходе к рынку и избежать при этом многих экономических и социальных потрясений, так или иначе затронувших все постсоциалистические страны.

При всей неоднозначности оценок социально-экономических результатов об опыте Чехии можно говорить с оптимизмом. И дело не только в том, что эта страна была одной из наиболее развитых и стабильных в регионе и потому в наименьшей степени подверглась воздействию кризисных явлений. Секрет, видимо, кроется в субъективном факторе: разработку экономичес-

кой стратегии и программ ее реализации взяли на себя профессионалы, единодушно придерживавшихся либерально-монетаристской концепции экономических преобразований и поставившие своей целью поддержание социального мира и политического консенсуса в отношении проводимых реформ. Чешский сценарий экономических преобразований был разработан с учетом национальной специфики. Чехия, пожалуй, единственная из рассматриваемых стран, которая отказалась от консультативной помощи западных советников, по словам чешского премьера В. Клауса, "очень мало понимающих в специфике перевода социалистической экономики на рыночные рельсы." Сценарий экономических реформ предусматривал четкую очередность проведения преобразований в экономике, нарушение которой, по выражению В. Клауса, загнало бывшие социалистические страны в так называемую "реформенную ловушку". Дело в том, что их реформаторы, рассматривая обеспечение финансовой стабильности как главный фактор подавления инфляции (что полностью соответствует представлениям западных экономистов), не учли главного, а именно, что в постсоциалистической высокомонополизированной экономике главной движущей силой инфляции является монополизм основных производителей. Такого монополизма еще не знала история, а как с ним бороться, - тем более.

Реформы в Чехии начались не с либерализации цен и внешней торговли, как в других странах, а с создания конкурентной среды в экономике путем организационно-институциональных изменений и трансформации форм собственности. Хотя Чехия столкнулась с теми же проблемами переходного этапа, что и все другие восточноевропейские страны, в отличие от них, она довольно успешно их решала, благодаря хорошо продуманной и последовательной политике реформ

ВВП (ПРИРОСТ В % ПО СРАВНЕНИЮ С ПРЕДЫДУЩИМ ГОДОМ)

Источник: CNB, Zprava o Menovene Vyvoji v Hieske Republice za obdovi leden - zari 1995, str. 72

В целом в Чешской Республике за период 1990-1995 гг. была достигнута макроэкономическая стабильность - необходимая предпосылка для продолжения институциональных реформ и реализации других элементов экономической стратегии, поддержания политического и социального консенсуса. В экономике закрепилась тенденция к снижению уровня инфляции и стабильности номинального валютного курса. Признаки оживления чешской экономики были отмечены уже в 1994 г., когда впервые за годы реформ был получен прирост ВВП, выросли валютные резервы и реальные доходы населения.

Сложнее оказалось решить проблему реконструкции экономики, поскольку ее отраслевая структура с преобладанием энергетики, металлургии, химии и тяжелого машиностроения является технологически малоэффективной. Вместо трансформации старой ("тяжелой") отраслевой структуры в сторону менее ресурсоемких отраслей пока идет процесс консервации неэффективных отраслей промышленности.

Одна из причин относительного успеха реформ в Чехии заключается в разумном сочетании административных и рыночных методов хозяйствования, государства и рынка. Несмотря на приверженность либеральной концепции, правительство страны не намерено отдавать структурную перестройку полностью на откуп рыночной стихии. Укрепить государство для разгосударствления - такой лозунг реформ.

В целом следует отметить, что положение в большинстве стран восточноевропейского региона после десяти лет стагнации производства, а затем резкого сокращения в 1991-1993 гг. постепенно стало выправляться, о чем свидетельствуют данные о динамике ВВП этих стран.

Несмотря на наметившееся оживление преждевременно, на наш взгляд, говорить о сдвигах в экономическом базисе общества и формировании в нем зрелого механизма, обеспечивающего динамичное, устойчивое и эффективное развитие экономики.

Пятилетний опыт реформ в рассматриваемых странах показывает, что коренного улучшения основных экономических показателей не произошло: ни в одной из них не выросли ни производительность труда, ни технический уровень производства, не снизилась материало- и энергоемкость общественного продукта. Напротив, в ряде стран эти показатели ухудшились. Так, по уровню производительности труда страны региона начали отставать от развитых стран Запада, причем разрыв этот все более увеличивается. В Чехии в 1989 г. уровень производительности труда составлял 39% от среднего уровня производительности стран ЕС, 42% - Австрии, 38% - Германии, тогда как в 1992 г. он снизился до 33%, 31% и 28% соответственно. В последующие годы этот разрыв продолжал увеличиваться.³

Опыт реформ в странах Восточной Европы можно оценить положительно лишь с точки зрения преобразований отношений собственности и формирования рыночной инфраструктуры, но отнюдь не с точки зрения количественных и особенно качественных показателей экономического роста и подъема жизненного уровня населения.

В этой связи закономерен вопрос - насколько избранные методы реформ экономики и полученные результаты адекватны декларируемым целям?

Вот, например, как оценивается пятилетний опыт восточноевропейских реформ в материалах Европей-

ского банка реконструкции и развития к III Экономическому форуму Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в июне 1995 г.: "Что же такое происходит в постсоциалистических странах, если успех реформ там по истечении пяти лет с их начала приходится оценивать не по возрождению роста производства в отраслях -носителях технического прогресса, не по увеличению производительности труда и эффективности производства, а по замедлению темпов его спада".

В самом деле, в нашей и в зарубежной литературе не найти данных об увеличении объемов производства и росте производительности труда в странах Восточной Европы и России. Главное внимание уделяется оценке трансформации форм собственности, а конкретно - масштабов приватизации государственного имущества. Объясняется это прежде всего тем, что внедрение частной формы собственности рассматривается реформаторами как главный фактор необратимости реформ, и при этом абсолютно забывается (или умалчивается) тот факт, что и государственная собственность может функционировать эффективно, равно как и частная собственность может не дать ожидаемого результата.

Часто приходится слышать заявления нынешних реформаторов о том, что в переходный период и не предполагается добиваться роста производительности труда, ускорения технического прогресса и что это, мол, дело более отдаленной перспективы. Спрашивается, насколько же продолжительным может быть этот переходный период и когда следует ожидать начала глубокой перестройки действительно неэффективной экономики?

При тех моделях, которые избраны в постсоциалистических странах, его можно оценить в несколько десятков лет, поскольку наиболее приоритетной задачей считается приватизация, которая с теми или иными отклонениями призвана создать массу новых собственников и конкурентную среду. Только при этих условиях по заявлению реформаторов, возможно решение глубинных задач подъема экономики. Не оспаривая этих заявлений по форме, хотелось бы высказать некоторые серьезные замечания по существу.

Конкуренцию порождает множественность хозяйственных субъектов на рынке, независимо от той или иной формы собственности. Сам же механизм конкуренции запускается, как известно, не столько сменой форм собственности, сколько условиями функционирования самого рынка, который в этих странах находится пока в стадии формирования. Поэтому всеобщее разгосударствление и массовый переход к частной форме собственности сами по себе отнюдь не являются гарантией улучшения показателей функционирования экономики, скорее напротив, - отбрасывают в принципе развитую экономику бывших социалистических стран на третьеразрядный уровень и обрекает ее на долгие годы прозябания в обозе мирового хозяйства, что ставит под сомнение саму возможность структурной перестройки экономики - действительно кардинальной задачи реформ.

Если судить о реформе в России по тому, насколько полученные результаты соответствуют провозглашенным целям, то следует признать, что она зашла в тупик. Одна из главных причин кроется в порочном подходе на государственном уровне к самой стратегии реформирования экономики, при котором цель экономической политики - создание эффективной, устойчивой экономики - была отодвинута на задний план,

в центре внимания политиков стали либерализация, приватизация, стабилизация. В результате экономическая политика потеряла всякий смысл, превратившись в хаотичный набор слабо состыкующихся друг с другом и самостоятельно реализуемых направлений⁷. При таком подходе были утеряны естественные ориентиры хозяйственной деятельности, о чем красноречиво свидетельствуют результаты трансформации экономики России за истекшие 5 лет:

— более чем вдвое сократилось производство. Продолжающийся кризис приобретает характер необратимого развала народного хозяйства. Под вопрос поставлена экономическая безопасность страны. *Монетарная политика породила беспрецедентную в мировой практике ситуацию, при которой система цен, налогов, ставок процента оказалась несовместимой со структурой реального производства и уровнем действующей технологии. Создан эффект, по выражению А.Вольского, “подавления производства” и “практической ликвидации внутреннего рынка России”⁸;*

— наблюдается прогрессирующее ухудшение всех факторов производства;

— деградация человеческого фактора, что находит свое выражение в сокращении численности населения и продолжительности человеческой жизни, в снижении образованности молодежи и т.д.;

— разрушение научно-технического потенциала в оборонной промышленности;

— утечка “умов”. Ежегодно страну покидают 20-30 тыс. ученых и высококвалифицированных специалистов. Эмиграция только одного ученого означает упущенную экономическую выгоду в размере 300 тыс. долл.⁹ В то время как развитые страны вступают в новую фазу НТР, опирающуюся на самые современные достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, бионики Россия в результате “реформаторской” утечки капитала и умов, десятикратно сократила производство наукоемкой продукции;

— истощение природных и человеческих ресурсов.

По показателю бедности и по дифференциации доходов Россия обогнала все западные и развивающиеся страны. На этом удручающем фоне все более традиционными становятся заявления на официальном уровне о якобы имеющихся грандиозных успехах в экономике.

За годы реформ заметно ослабли и внешнеэкономические позиции России.

Значительно ухудшилась отраслевая структура экспорта: усилилась ее топливно-энергетическая направленность, а удельный вес машинотехнической продукции сократился только за два года (1994-1995) с 8,3 до 5,9 %, при значительном преобладании низкотехнологичной продукции (55% против 32% по странам ОЭСР) и очень низкой доле технологичной (всего 5-6 % по сравнению с 23%). В результате удельный вес российского экспорта в общемировом итоге опустился ниже отметки в 1,5 %, сократившись против уровня 1985 г. более чем втрое. Среди мировых экспортеров Россия отодвинулась с 7-го на 15-е место.

Выход из создавшегося тупика во многом будет зависеть от того, насколько российским политикам удастся избавиться от монетаристских догм, утверждающих, что для оздоровления экономики достаточно лишь одной финансовой стабилизации.

Как представляется, последняя — важное, но недостаточное для этого условие. Необходимо также

подключить известные в мировой практике методы борьбы с депрессией. Это — рост капиталовложений за счет внутренних источников и прежде всего государственных инвестиций, защита внутреннего рынка, иначе говоря, усиление государственного воздействия на развитие экономики мерами неадминистративного характера. На первый план должен быть поставлен вопрос о возрождении промышленного производства в России на основе использования высоких технологий. В результате мог бы быть значительно активизирован потребительский спрос, а это один из наиболее мощных факторов интенсификации производства, способный вытщить российскую экономику.

В этой связи государственная поддержка приоритетных направлений должна отвечать двум важнейшим требованиям. С одной стороны, обладать значительным внешним эффектом, улучшая общую экономическую среду и перспективы развития деловой активности. С другой, инициировать перемены в широком комплексе отраслей, сопряженных с приоритетными производствами, т.е. обладать мультипликативным эффектом, создавая расширяющийся импульс роста в смежных отраслях.

Влияние государства должно распространяться как на создание благоприятных общих макро- и микроэкономических условий для подъема производственной, инвестиционной и инновационной активности, так и на специальные меры по стимулированию прогрессивных структурных изменений на основе распространения производств нового технологического уклада, опирающегося на современные мировые достижения в области микроэлектроники, информатики, генной инженерии и т.д. Эти задачи государства не имеют ничего общего с нынешней практикой хаотичного и субъективного распределения льгот, кредитов и субсидий.

Опыт восточноевропейских стран подтверждает вывод о том, что макроэкономическая стабилизация и экономические реформы только тогда имеют шансы на успех, когда “системные преобразования управляемы, а принимаемые меры комплексны и дополняемы”¹⁰. К примеру, именно благодаря государственному регулированию, странам региона удалось избежать острых социальных конфликтов и огромного разрыва в уровнях доходов населения.

Внимания заслуживает их опыт в области приватизации (в первую очередь, Чехии), антиинфляционных мер, социальной политики, регулирования внешнеэкономических связей, развития демократии и др. Этим странам удалось сократить продолжительность наиболее трудного этапа трансформации и избежать высоких социальных издержек. И объясняется это не только объективными факторами (более благоприятные исходные предпосылки), но и субъективным — продуманной политикой их руководителей, сумевших вовремя скорректировать подходы, методы реформирования и тем самым свести к минимуму ошибки и просчеты в своей стратегии и политике.

Небезынтересен для России и опыт Китая: китайская модель реформирования доказывает возможность другого (в отличие от капиталистического), менее болезненного, эволюционного пути социально-экономических преобразований. В самом деле, разрушив старый механизм, управления экономикой, российские реформаторы так и не смогли подвести под нее новый хозяйственный механизм, не создали адекват-

ных экономических структур и институтов управления, ибо любое вмешательство государства в этот процесс рассматривалось не только излишним, но и вредным. Придерживаясь либерально-монетаристских воззрений, российские руководители все отдали на откуп рыночной стихии.

Показателен в этом отношении их подход к преобразованию отношений собственности. Проведенная методом "кавалерийской атаки" приватизация так и не смогла стать катализатором развития. Во многих отраслях промышленности, где была проведена ускоренная приватизация, корреляция между темпами приватизации и уровнем производственной активности оказалась негативной. Так, в текстильной и легкой промышленности, которые были приватизированы на 90-95 %, объемы производства продукции по сравнению с доприватизационным периодом сократились в 2,5-3 раза.

Объявляя приватизацию главным способом рыночных преобразований, архитекторы приватизации не учли, что в условиях сверхмонополизированной экономики, либерализации цен и спада производства приватизация способна породить лишь "дикий" рынок, но отнюдь не создать необходимые предпосылки для радикальных преобразований и развития реальных рыночных отношений.

В странах Восточной Европы постепенно складывается смешанная, социально ориентированная экономическая система на основе развития рынка, но при достаточно сильной регулирующей роли государства. Структурообразующими элементами формирующегося в этих условиях экономического базиса являются государственные, кооперативные и частные предприятия, в том числе иностранные, а также различные варианты их объединения (государственно-кооперативные, государственно-частные, акционерные общества, совместные предприятия и т.д.).

Что касается России, то для нее более вероятной представляется модель экономики, базирующейся на

монополистических структурах корпоративного типа, имеющих в своем распоряжении рычаги государственного управления, контролирующих все другие хозяйственные уклады и деформирующих рыночные отношения. Такая структура обладает большими возможностями объединения экономики, реализации крупных проектов, осуществления единой государственной стратегии, но в то же время подавляет конкурентные силы рынка, способствует чрезмерному доминированию политики над экономикой, что в конечном счете сужает возможности роста эффективности воспроизводства.

В этих условиях механизм управления экономикой должен создавать противовес этим объективно складывающимся тенденциям посредством мер антимонопольного характера, позволяющих, с одной стороны, сдерживать узурпацию и концентрацию общественных ресурсов в руках немногих, а с другой — обеспечивать демократизацию собственности и создание обширного среднего класса.

Если это направление развития утвердится, то экономические и политические основы общества, структура и функции хозяйственного механизма неизбежно будут меняться:

1. Все большее значение будет приобретать его консолидирующая функция, позволяющая обеспечить эффективное функционирование экономической системы в целом, ориентировать и координировать ее развитие в общенациональном масштабе и общенациональных интересах.
2. Постепенно будут создаваться условия для образования саморегулирующейся хозяйственной системы, опирающейся на оптимальное сочетание государственных и частных форм, плана и рынка.
3. Повышение степени открытости национальных экономик и степени интегрированности в мирохозяйственные связи потребуют существенного повышения оперативности и гибкости национальных управляющих систем.

¹ R. Barre, William H/Luers/ Moving Beyond Assistance. N.y.,Praque, 1992, p. 13.

² Россия. Экономика. Политика. М., 1995, стр.22 Удивительным было не столько само сокращение производства, сколько его глубина, стойкий и повсеместный характер. И все же, по сравнению с Россией (где катастрофический спад производства - 50% к середине 1994 г. против уровня 1991 г. - затронул подавляющее большинство отраслей промышленности, прежде всего наиболее передовых, технологичных, наукоемких), в странах ВЕ экономический спад был относительно непродолжительным и не таким глубоким - до 20-25%.

³ О.Т. Богомолов. Уроки социально-экономических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы., май, 1996, стр.6.

⁴ Progress of Economic Reform in Central and East Europe: Lessons and Prospects. Helsinki. Strasbourg, 1995, p.40

⁵ CNV. Zprava o menovem Vyvoji v Neský Republice,1995, Прилож., str. 72.

⁶ The EEC Market and Transition Economies in Early 1995, Geneva, 1995, p.14

⁷ И.Меньшиков. В поисках российского консенсуса. - "Экономика и жизнь", № 20, 1966, стр.6.

⁸ Россия. Экономика. Политика. М., 1995, стр.15.

⁹ См. Спецвыпуск ж-ла "Аналитические обозрения", М., 1996

¹⁰ О.Т. Богомолов... с. 16